

УДК 82-34(571.56) : 130.1

К КАРТИНЕ МИРА НАРОДА САХА В ЕЕ ПРЕЛОМЛЕНИИ В МИФОЛОГИИ И ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ

Л. Г. Кихней

Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

В статье рассматривается специфика взаимодействия мировоззрения народа саха и образов, характерных для якутских мифов и преданий, отразившихся в якутском героическом эпосе (на примере олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»), имеющем ряд сходных черт со скандинавским эпосом.

Ключевые слова: картина мира, якутская мифология, олонхо, пространственная организация, типология героя и конфликта, скандинавские мифы

В коллективной памяти народа саха сохранилось множество мифологических преданий, аккумулирующих в себе представления об общих закономерностях природного и человеческого бытия. Большая работа по описанию, установлению генезиса, систематизации мифов, проделанная учеными (П. А. Ойунским [8], Г. В. Ксенофонтовым [2], Н. В. Емельяновым [1], А. Г. Новиковым [5], И. В. Пуховым [9] и др.), позволяет говорить о наличии у народа саха древних философских знаний о его самобытной религиозно-философской картине мира.

Реконструкция мифопоэтической картины мира якутов – одна из актуальнейших научных проблем, решение которой, во-первых, позволит понять важные стороны мировоззрения народа и своеобразие его духовной культуры, в частности, феномен шаманизма, а во-вторых, позволит установить характер и способы взаимовлияния мифа – фольклора – литературы.

Попробуем рассмотреть механизм взаимодействия мировоззрения народа саха и образов, наиболее характерных для якутских мифов и преданий [4, с. 11–33], то есть попытаемся проследить, как некоторые особенности традиционного мышления якутов оказали непосредственное влияние на образную систему их мифологии и литературы.

Народный сказитель мыслит вселенскими категориями. Для описания мифопоэтической модели мира народа саха подходит методика К. Леви-Строса, в частности, его принципы построения мифологической картины мира, – то, что он называет «бриколажем», то есть достижением цели обходным путем, – картина мира строится из хорошо знакомых «подсобных» материалов, из того, что есть под рукой [3, с. 126–140]. На наш взгляд, следует учитывать особенности циркумполярного сознания народа саха.

В северных условиях трудного выживания народ создал интереснейшую культуру, которая не только ориентирована на поддержание жизненных сил, но и на огромное творческое развитие.

Итак, своеобразие якутского мифопоэтического мышления заключается в том, что сложнейшие философские концепции преломляются в мифах через

конкретно-бытовые метафорические образы, персоналии, которые, не теряя своего конкретно-эмпирического значения, символизируют тот или иной элемент мироздания. Подчеркнем, что мифы саха несколько не теряют от своей философско-гносеологической глубины; принципы познания мира по сути те же, они лишь становятся более понятными, доступными.

Так, одним из самых распространенных образов является священное дерево Дал Кудук Мас (в другой огласовке: Аар-Лууп-Мас), олицетворяющее мировую ось и связывающее все три мира (Верхний, Средний и Нижний), из которых, согласно якутской мифологии, состоит Вселенная. «Поднимаясь высоко вверх и проникая глубоко вниз, Аал Кудук Мас будто бы растет посреди «Сибиир-Земли» [6, с. 123]. «Тем самым, это священное дерево образует собой непоколебимую сердцевину мироздания. Это представление есть не что иное, как модель Вселенной» [5, с. 30]. Знаменательно, что в якутских мифах этот космогонический, божественный образ со временем перевоплощается в образ предельно реальный и конкретный, хорошо знакомый каждому якуту – в деревянную или железную коновязь. Причем образ коновязи является гораздо более распространенным в мифах саха. Здесь мы подразумеваем только те случаи, где он употреблен именно как символ мировой оси, то есть идентичен дереву Аал Кудук Мас. В этих мифах, как правило, действие протекает в Среднем мире населенном людьми, но в ходе повествования обязательно происходит апеллирование к миру либо Верхнему, либо Нижнему. Сравним, например: «Осенью, когда ночи стали темнее, на ущербе луны заметили у коновязи коня пепельной масти с лысиной на лбу и черный силуэт человека, поднимающегося наверх, в помещение девы. <...> В девятую луну, в девятый день ущерба также появился конь у коновязи, а наутро дева исчезла. Старик отец предполагал, что "абаасылар" вознесли ее к себе» [6, с. 291].

Таким образом, одной из особенностей якутской мифологии является постепенное переосмысление мифа в сторону личностно-бытового начала и вследствие этого конкретизация, «заземление» космогонических образов. Поэтому, рассматривая процессы символаобразования, метафоризации в якутской мифологии, нужно иметь в виду, что мы имеем дело с мифологическим изоморфизмом, обеспечивающим тождество микро- и макрокосмоса. Но тот же морфологический изоморфизм представляется нам тем конструктивным принципом, который лег в основу поэтической образности якутской словесности. И здесь несомненный интерес для нас представляет образ одушевленного, живого слова у народа саха (тыл иччитэ).

Как известно, категории *духа*, *души* якуты придавали огромное значение. Характерно, что в якутском мировоззрении живыми, то есть имеющими душу, считались не только люди, но и животные и вся окружающая природа. «...Согласно учению иччи каждый предмет имеет свою душу» [5, с. 33]. Более того, душу имеет и слово. Вследствие этого слово у якутов наделялось всеми функциями, свойствами, качествами, присущими материальным предметам, человеку, в том числе (что особенно важно!) свойствами психическими. Оно действительно мыслилось живым в прямом значении этого понятия. Наделение слова душой – это одна из причин складывающейся веками поразительной восприимчивости к слову народа саха, веры в магическую силу

слова. Вероятно, здесь нужно искать и причины столь широкого распространения феномена шаманизма у якутов и у других северных народов.

Таким образом, притчевая логика якутских мифов отражает логику природных и ментальных процессов, а сами мифологические сюжеты, образы и магически обрядовые ритуалы оказываются морфологически закрепленными в жанровых структурах якутской словесности и прежде всего в олонхо. Так, в письменном тексте олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», воссозданном Платоном Алексеевичем Ойунским [7], мы находим ряд типологически сходных черт, роднящих героические песни якутов с древнескандинавским эпосом [10].

В частности в книге «Нюргун Боотур Стремительный» мы находим ту же пространственную организацию: три мира, сквозь которые прорастает, соединяя их, священное дерево Аал Кудук Мас (Аар-Лууп-Мас – в переводе: Великое Дуб-Дерево) в олонхо Игдрасиль (Игдазил, исполинский ясьень) – в «Старшей Эдде». Бросается в глаза и ряд совпадений в образных характеристиках богатырей. Поражает сходная морфология эпизодов, воплощающих магистральный конфликт (в частности, борьба с огненным змеем Боотура Стремительного в олонхо и сражение Тора с мировым змеем в Эдде). Нельзя также не отметить типологическое родство устойчивых элементов мифологической повествовательности, восходящих к древнейшим космогоническим и особенно эсхатологическим мифам. Напомним, что семиотические составляющие мифологического инварианта «конца света» могут быть представлены в разных стадиях протекания. Первая стадия пророческая: конец мира предстает как угроза, – в модальности будущего времени (отсюда возникновение в обоих сравниваемых текстах образов пророчиц – Вещунья Нижнего мира – в олонхо и прорицательница-вельва – в «Старшей Эдде»). Вторая стадия – *наступление* предсказанных сроков: гибель культурного сообщества предстает в модальности настоящего времени. Третья стадия – постапокалиптическая: конец мира мыслится как недавнее прошлое, после которого наступает процесс восстановления бытия. Третья стадия объясняется тем, что древние эсхатологические мифы в большинстве своем цикличны: мир гибнет *не окончательно*: за завершением очередного витка космологической спирали следует новый (вселенная обновляется *через смерть*). Именно эта сюжетная схема лежит в основе эпоса «Нюргун Боотур Стремительный», равно как и «Старшей Эдды».

Итак, мифы народа саха – живительный и благодатный источник, помогающий раскрыть глубины этнического самосознания, мировосприятия и литературного творчества северных народов. Заметим, что сбор, сохранение, обработка и сравнительно-историческое изучение мифологических, фольклорных и древних литературных источников практически всех северных народов (и в том числе и саха) в настоящее время еще не вполне соответствуют их огромной значимости.

Список литературы

1. Емельянов, Н. В. Сюжеты якутских олонхо [Текст] / Н. В. Емельянов. – М. : Наука, 1980. – 375 с.

2. Ксенофонов, Г. В. Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1928 – 1929 гг.). – Якутск : Творческо-производ. Фирма «Север-Юг», 1992. – 320 с.
3. Леви-Строс К. Первобытное мышление [Текст] / К. Леви-Строс. – М. : Республика, 1994. – 384 с.
4. Неклюдов, С. Ю. Мифологическая традиция и мифологические модели // Вестник РГГУ. – 2011. – № 9 (71). – С. 11–33.
5. Новиков, А. Г. О менталитете саха [Текст] / А. Г. Новиков. – Якутск : Аналит. центр при Президенте Респ. Саха 1996. – 146 с.
6. Предания, легенды и мифы саха (якутов) [Текст] ; сост. Н. А. Алексеев, Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. – Новосибирск : Наука ; Сибирская издательская фирма РАН, 1995. — 400 с.
7. Ойунский, П. А. Дьлуруйар Ньургун Боотур [Текст] / П. А. Ойунский. – Якутск : ИГИ, 2003. – 544 с.
8. Ойунский, П. А. Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание: опыт анализа якутской сказки [Текст] / П. А. Ойунский // Сборник трудов исследовательского общества «Саха кэскилэ». – Якутск, 1927. – С. 48–72.
9. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы [Текст] / И. В. Пухов. – М. : Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
10. Старшая Эдда [Текст] ; перевод В. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М. : Худож. литература, 1975. – 770 с.

THE WORLDVIEW OF THE SAKHA PEOPLE IN ITS BREAKING IN MYTHOLOGY AND HEROIC EPOS

L. G. Kikhney

Institute of international law and Economics them. A. S. Griboedov
The department of the history of journalism and literature

The article considers the specificity of the interaction of Outlook of the Sakha people and images characteristic of the Yakut myths and legends, reflected in the Yakut heroic epos (on the example of Olonkho «Nyurgun Bootur the Rapid»), which has a number of similarities with the Scandinavian epos.

Key words: *worldview, Yakutsk mythology, Olonkho, spatial organization and typology of the hero and conflict, the Norse myths.*

Об авторах:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы института международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (107207, Москва, ш. Энтузиастов, 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru